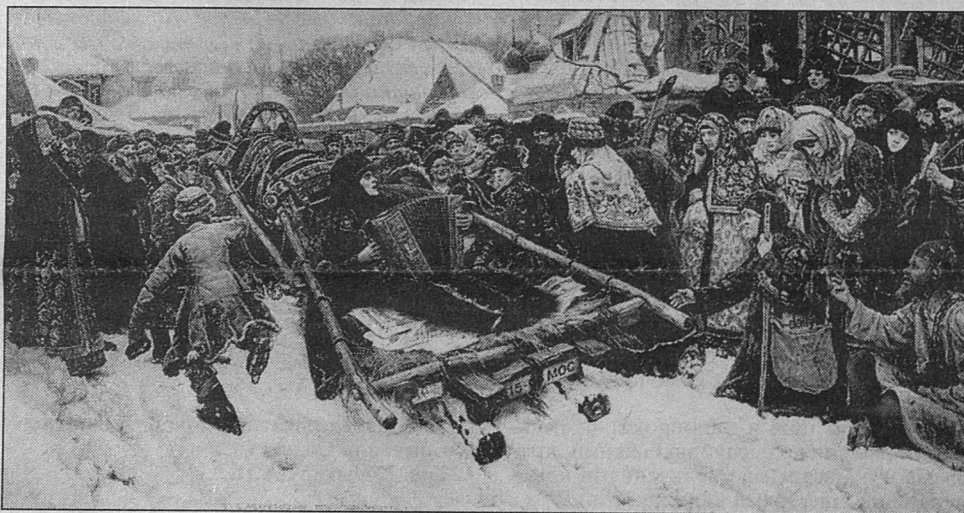

Владимир КАРАСЕВ

Житие боярыни Морозовой

Фрагмент сценария

Карасев Владимир Кириллович драматург, сценарист. Окончил Ленинградский государственный институт имени А.Н.Островского (теперь Санкт-Петербургская Театральная академия) в 1957 году, с 1957 по 1966 год работал актером в Ленинградском драматическом театре имени В.Ф.Комиссаржевской, с 1966 по 1968 год – режиссер Ленинградского телевидения. Автор пьес “Дождик, дождик пусти...” (1974, запрещена), “Бабы лето” (1975, запрещена), “Платье для выходного дня” (1975, поставлена в театрах страны), “Красный ангел” (постановка пьесы осуществлена в 1975 году в Московском театре имени М.Н.Ермоловой), “Тринадцатая полчка” (1979, запрещена), “Житие боярыни Морозовой” (1980, запрещена), “Янтарная шкатулка” (постановка осуществлена в Калининградском драматическом театре), “Стена” (1985, постановка осуществлена в Псковском драматическом театре имени А.С.Пушкина), “Мертвое тело, или Дачницы” (2002, постановка осуществлена в Петербургском театре “Комедианты”). Автор сценариев фильмов “Признать виновным”, “Слушать в отсеках!”. Автор исторических очерков и эссе.

– Тебе, Федька, что? – спросила грозно боярыня.
– Тык людей кода посылать-то? В Селецкое.
– Да шас, шас, болван! Не медля!
Казначей, поклонившись, побежал.
– А сразу оклад не выдадут, – кричала вдогонку Морозова, – поставить на правез! И Сеньку и всех! Выколачивать нещадно! – И пожаловалась. – От, воровской народ! Добра никто не помнит!

В гостиной втроем – Аввакум, Морозова, Меланья – пили чай, со вкусом прихлебывали. Самовар на столе, а к нему – положенные обильные закуски.

– И царя Лексея обманул собака Никон, тремя перстами креститься понудил, заместо двух... – не мог успокоиться Аввакум. – Бог наш, мол, троица – тремя персты и знаменится! А царь, бедной, послушав, да дьявола и посадил триперстием на свой лоб!

Духовные лица посмеялись. Федосья слушает серьезно.

– Треперстие – печать антихриста! – поддержала Меланья.

– Како мы и отцы всю жизнь крестились? Двумя перстами! Ибо два перста означают божескую и человеческую природу Спасителя...

Достал Аввакум из кармана свиток:

– Тут вот не стерпел я, накарябал кой чего царю Алексею.

Морозова жадно схватила свиток, развернула:

– Ну-ка, ну-ка, про что?

– Чтoб старое благочестие царь взыскал. Матерь нашу – святую церковь от ересей оборонил. Чтoб на престол бы патриарший учинил бы пастыря православного.

– А как это? – удивилась Федосья. – Можно ли? Ведь Никон-то покуда патриарх?

– Ушел и, слава Богу! Волк он, а не патриарх!

– Отступник! – добавила Меланья.

Боярыня углубилась в Аввакумов труд, изредка на гостей поглядывает.

А священник вскочил – завелся:

– Да они же, никонианцы, имя... имя Сыну Божию переменяли! Печатают по-новому, с добавкой излишней буквы “и”. Был “Исус”, стал... – небрежно: – “Иисус”! И тем учинили у нас великий раскол и смуту!... И от иных стран вечный понос и укоризну Российскому государству! И православной нашей вере! Будто мы, – хохотнул: – и отцы наши, и святые русские чудотворцы, от Владимирова крещения лет семисот будучи, будто мы имени Сыну Божию не знали! Да ежели кто в царском имени сделает перемену аль ошибку, так того в раз казнят! Как же дерзнуть нарушить имя Сына Божия!? Разоряется матерь наша, святая церковь! А нам что же, молчать?!

– Не умолчим! – выкрикнула Меланья.

– Время приспело страдания! Подобаеет всем нам, христианам, неослабно страдати!

Морозова в экстазе:

– Буду страдати, батюшко! Буду!

В ночной тьме спят Морозовские хоромы. Тихонько открылась дверь опочивальни, проник в темную переднюю неяркий качающийся свет. С фонарем в руке появилась Федосья в ночнушке. Прислушалась, присматривается. Мягко тлеют лампы под иконами. На лавках по стенам похрапывают две дежурные девки.

Боярыня вернулась в опочивальню, затворилась. Отставила фонарь. На двери перекинула щекотку. Отвернула на стене половику ковра. Вытащила из стены большую деревянную пробку. Сунула внутрь руку. Что-то щелкнуло. И отошел от стены легкий муляж бревна. Открылся тайник.

Пошарила в темном зеве боярыня, вынула глиняную кубышку с крышкой. Из кожаного мешка высыпала в кубышку позвякивающие монеты. Сунула кубышку на место.

Секунда раздумья, и женщина решилась. Достала из тайника – с трудом! – тяжелую, железную шкатулку. Повернула ключик в замке. С волнением подняла крышку. Опустила в шкатулку руки, подняла. И полились, сверкая, сквозь пальцы драгоценные украшения – золо-

тые да серебряные, бриллиантовые да жемчужные. Еще... еще... Множество, полная шкатулка!

Кое-что на себя Федосья примеривает, глядя в зеркало. Непомерное довольство и радость на лице боярыни.

По чистому, с перелесками, полю двигалась группа конников – все мужики. Царь Алексей Михайлович со свитой ехал на соколиную охоту. У сокольников – уважаемых людей – ловчие птицы. Каждый сокол сидел на левой руке хозяина, на толстой кожаной перчатке. На голове хищников – закрывающий глаза клубочек. На ножках – манжеты-онучки, ремешками к хозяйской руке прицеплены, чтобы не улетел. Колокольцы позвякивают.

Алексей Михайлович был счастлив, соколиная охота – самая главная его страсть. Рядом с царем покачивался в седле любимый царский сокольник Василий со своим “птеном”.

Государь восхищенно взирал на хищную птицу:

– Булат! Хорош твой Булатка, а? Скажи, Василий!

– Хорош, царь-батюшка. Брехать не стану.

– Новик, первый раз нынче пойдет в напуск, – царь Алексей пригласил окружение разделить свою радость. – Зверь!

– Изрядный ястреб, – поддержал царя один из приближенных.

Царь вспылил, презрительно глянул на подчиненного:

– Какой ястреб, дубина! Ястреб берет добычу с земли, щиплет, куда ни попадя! А Булат – сокол! Сокол! Бьет с лету!

В конце кавалькады, отдельно от всех, потряхивались рядом понырые воеводы князья Юрий Долгорукий и Юрий Борятинский.

– А князя Иван Семеныч-то Прозоровского, слышал ты, нет? – спросил Долгорукий. – Убили в Астрахани разинцы.

Борятинский потрясен:

– Иванку убили? Как убили?

– На городскую стену, на раскат ввели, копьем живот проткнули. И сверху срунули наземь...

– Не зна-ал...

– И двух сыновей его повесили ногами вверх на той же стене. А жену его и дочерей вора отдали на поругание...

А царь-батюшка, помогая руками, увлеченно рассказывает:

– ...А сокол, нет, сокол сперва подтекает под добычу, вот так... взгоняет ее... После выныривает позади ее вверх. И сверху бьет в нее как стрелой, чаще под левое крыло. Коготь отлетный всаживает в птицу и распарывает ее, ровно ножом. А как птица упала, опускается на нее, тотчас перерезает ей горло и пьет кровь.

Радостно смеется государь.

Долгорукий князь ревниво поинтересовался:

– Ты – по нашим вестям – чуть было Стеньку-вора живым не взял. Было так?

– Рублен был саблею Стенька, – подтвердил Борятинский. – И застрелен из пищаля в ногу. Едва ушел. Побежал из Симбирска водою, на судах.

– Как же ты, князь, упустил-то вора?

– Так в моем полку-то пеших людей ратных сколь стало-то? С гулькин нос! А те, кто и остался, от многих боев, от посылок частых ранены али больны...

На полянке ожидали еще сокольники с птицами и царские слуги. Поклонились.

– Прибыли, царь-батюшка, – объявил Василий. – Место, что надо, водяное. Птица есть.

Опытным глазом государь осмотрелся, остался доволен:

– А люди твои где? Готовы?

– Обижаешь, батюшка! Окрест по кругу стоят, схоронились. Шас пускать будем...

Государь заволаговался, перекрестился:

– Ну, благослови, господи!

Василий подъехал к сокольникам, распорядился. Верховые поскакали влево-вправо.

Алексей Михайлович наслаждался природой, ожиданием зрелища. И вдруг радостный взор его потускнел, когда упал на хмурых воевод. Царь не любил неприятели, а здесь предостоял тяжелый разговор с воеводой Борятинским.

– Ты зачем, страдник, худой человечешко, ты зачем, ненавистник, с Казани в Симбирск ушел?

Борятинский хотел было оправдаться, но...

– Тебе государем было велено, где быть? Под князь Урусовым!

– Так я, государь и был с князь Петром в Казани. А князь послал меня с Казани с ратными конными и пешими людьми для выручки Симбирска.

Государь смотрел недоверчиво:

– Сам послал?

– Сговорились вместе идтить. На том и положили, что ему, князь Петру, идтить со своим полком со мною.

– И он пошел?

– Не пошел. Не пошел со мной упрямством своим. А я говорю: или ты, князь, служить не хочешь государю великому? А он говорит, что я-де тебя, князь, не слушаю, ты не моего полку. Кричал на меня с великим невежеством. И бес-

Экран и сцена

